

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЗНАКИ В НАУЧНОЙ РЕЧИ: ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КРОТЕВИЧ

Абашина В. Н.

Львівській національній університет імені Івана Франка

Автор досліджує філологічні джерела, на яких ґрунтується теоретична концепція синтаксису Є. В. Кротевича – відомого українського вченого-лінгвіста. Поставлена мета досягається за допомогою методу інтертекстуального аналізу наукових текстів ученого.

Ключові слова: синтаксис, наукові тексти, інтертекстуальний аналіз.

Автор исследует филологические источники, на которых основывается теоретическая концепция синтаксиса Е. В. Кротевича – известного украинского ученого-лингвиста. Поставленная цель была достигнута при помощи метода интертекстуального анализа научных трудов ученого.

Ключевые слова: синтаксис, научный текст, интертекстуальный анализ.

The author investigates philological sources of the theoretical conception of syntax of well-known Ukrainian scholar E. V. Krotevich. The given aim is achieved with the help of the method of intertextual analysis of scientific texts of the scholar.

Key words: syntax, scientific texts, intertextual analysis.

В начале декабря 2012 года исполняется 111 лет со дня рождения известного лингвиста Украины Евгения Владимировича Кротевича. Вклад ученого в современное славянское языкознание трудно переоценить. Его работы в области синтаксиса остаются актуальными и поныне. Научные труды исследователя отличаются глубоким профессионализмом и, что не всегда можно встретить в современных публикациях, доступностью изложения сложных для восприятия понятий. Как ученый Е. В. Кротевич сформировался на трудах славных филологов-предшественников, о чем свидетельствуют написанные им научные работы. В свете отмеченного целью предпринятого исследования было выявление тех связей, которыми объединяются тексты научных трудов Е. В. Кротевича с филологической памятью и шире – с историей общества, для которого гуманитарные знания всегда были приоритетными. Это позволит глубже осознать систему научных взглядов ученого. Объектом внимания стали две работы Е. В. Кротевича “Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения” (1956) и “О связях слов” (1959), представляющие интерес именно в плане отображения в них позиции ученого относительно центральных синтаксических понятий. Для достижения поставленной цели прибегнем к методу интертекстуального анализа (прочтения) указанных текстов, поскольку данный метод был успешно применен И. П. Смирновым [7] и впоследствии стал рассматриваться как “позволяющий адекватно решать проблему восприятия” текста [8, с. 267].

Введение в широкий научный и культурологический обиход понятия интертекстуальности обычно связывают с именем известного французского семиолога и литературоведа Р. Барта, хотя при этом отмечается, что новый термин впервые был использован его ученицей Ю. Кристевой в статье “Бахтин, слово, диалог и роман” для характеристики спектра межстилевых отношений текста. Понятие и стоящее за ним явление оказались столь емкими, с одной стороны, с другой же, обладающими такими весомыми интерпретационными возможностями, что уже трудно представить без них современное гуманитарное пространство. В основе феномена интертекстуальности лежит сформулированное Р. Бартом представление о том, что всякий “текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих

единственный, как бы теологический смысл, но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников” [2, с. 388].

Очевидно, что в свете сказанного, или, другими словами, в интертекстуальном свете, проблема заимствований и влияний, первичности и вторичности утрачивает свою актуальность: сквозь призму интертекста окружающий мир предстает как огромный Текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа – смешение одних и тех же элементов дает все новые и новые комбинации смыслов. По сути дела, текст предстает как “эхокамера”, по Р. Барту, “мозаика цитаций”, по Ю. Кристевой, “ансамбль пресуппозиций”, по М. Риффатеру, где каждое новое высказывание пишется поверх уже когда-то написанных.

Поиски интертекстуальных знаков активно проводятся в текстах художественной литературы, поскольку, по мнению У. Эко, “во всех книгах говорится о других книгах, всякая история пересказывает историю уже рассказанную” [11, с. 437]. Это находит концептуальное объяснение в стремлении заинтересованных исследователей обнаружить рассматриваемое явление именно в процессе создания универсальной грамматики литературного дискурса как на микро-, так и на макроуровнях. Показательно и то, что проблематика интертекста, с точки зрения Н. А. Кузьминой, “отражает общий подход к литературе как духовной деятельности, открытой, самоорганизующейся системе, состоящей из индивидуальных и неповторимых художественных произведений” [5, с. 17]. Между тем ограничиваться в таких исследовательских ситуациях лишь художественным дискурсом было бы неправомерно и, что более значимо, методологически ошибочно, поскольку и тексты, принадлежащие к другим речевым жанрам, в частности научные, могут быть глубоко и всесторонне осознаны лишь в широких рамках того культурно-филологического пространства, на фоне которого они создавались и существуют. М. Б. Ямпольский писал: “Каждое произведение, выстраивая свое интертекстуальное поле, создает собственную историю культуры, переструктурирует весь предшествующий культурный фонд” [10, с. 407–408]. Более того, уже стало неоспоримым, что наука и искусство в настоящее время предстают и воспринимаются как две стороны культуры, коррелирующие друг с другом по определенным матрицам, взаимно обогащающие друг друга и совместно идущие в глубоком познании окружающей действительности. Отсюда следует неизбежное заключение: анализ научных текстов посредством интертекстуального их прочтения весьма полезен, в том числе и в когнитивном плане – такой анализ позволит углубить их понимание, или когнитивную обработку, прежде всего за счет установления многомерных связей с другими научными текстами. Немаловажным является и то, что перед автором научного текста всегда стоит задача создать необходимые условия для точного прочтения создаваемого им текста, для достижения чего он должен выполнить некоторые частные требования, касающиеся строгих правил построения научного текста. Среди этих правил, сформулированных Ю. В. Рождественским, обращает на себя внимание запрещение “создавать научный текст без ясного указания на предшествующие исследования по данному предмету” [9, с. 217], а значит, жестко предписывается вводить в новый текст интертекстуальные знаки.

Проведенный в рамках поставленной цели анализ позволил рассмотреть в качестве показателей, создающих интертекстуальное поле изученных научных текстов Е. В. Кротевича, такие случаи.

Во-первых, к числу интертекстуальных знаков следует отнести источники языкового материала, служащие иллюстрацией к выдвигаемым и обсуждаемым научным положениям. Значительную долю среди них составляют примеры из классического наследия российской словесности – А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Крылов, И. Тургенев, Н. Гоголь, М. Кольцов,

А. Чехов, М. Пришвин. Из советской литературы ученым используются примеры из текстов А. Горького, К. Чуковского, К. Федина, В. Пановой, И. Андронникова. Из В. Маяковского ученым привлечены строки *Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить*. Это показательно, причем с нескольких точек зрения. С одной стороны, данной цитатой Е. В. Кротевич иллюстрирует теоретические рассуждения о предикативных отношениях. Для этого пример выбран весьма удачно, хотя и представляет собой показательный образец советского политического дискурса. С другой стороны, данная цитата оказалась единственным примером такого рода текстов в проанализированных статьях, хотя следует отметить, что на определенном этапе в научных текстах других авторов они были самыми употребительными и распространенными языковыми иллюстрациями. Показательно, что Е. В. Кротевич придерживался в таких ситуациях иной позиции и не считал нужным отдавать дань моде или же сложившимся коллективным пристрастиям. Научный предмет, который исследовал ученый, а это центральная проблема синтаксической науки – синтаксические связи и синтаксические отношения, нуждается не столько в оценочных иллюстрациях, сколько в строго референциальных. Для этого, как ни какие другие, подходят именно образцы классических текстов. Лишним подтверждением отмеченному будет тот отрывок из рассказа И. Андронникова “Портрет”, который использовал Е. В. Кротевич при рассуждениях о синтаксической связи управление: *Он заглянул за шкаф. На шкаф. В шкаф. Под шкаф. За ширму. Пошарил за письменным столом. Потом отодвинул диван, сундук в передней*. Кроме того, выявлен пример из народного словесного творчества – поговорка *Что посеешь, то и пожнешь*. И это тоже показательно, поскольку совершенно очевидно, что всякое явление современного языка не может не опираться на исторические первоисточники. Интертекстуальная природа иллюстративного материала становится еще более показательной, если принять во внимание, что зафиксировано немало случаев, когда ученый сам конструировал примеры для иллюстрации.

Во-вторых, наиболее и ярким, и значимым в свете заявленной темы исследования показателем интертекстуальной природы анализируемых текстов являются многочисленные научные источники, к которым апеллировал ученый. Это филологическая классика – А. А. Потебня, А. Х. Востоков, Л. В. Щерба, З. Клеменевич, А. А. Шахматов, Д. Н. Овсянко-Куликовский. Из более поздних авторов – это И. И. Мещанинов, А. И. Смирницкий, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, А. Г. Руднев, М. А. Шапиро, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, Е. Курилович (его работа оказалась единственной на иностранном языке), А. В. Исаченко, А. Н. Гвоздев, В. Г. Адмони, Д. Э. Розенталь, В. А. Добромислов, И. А. Попова, С. И. Абакумов, В. Г. Колшанский, А. С. Чикобава. Е. В. Кротевич обращался также к работам зарубежных лингвистов. Так, полезными для него оказались труды А. Майе “Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков” и О. Есперсена “Философия грамматики”. Особого внимания заслуживает привлечение ученым в случаях, когда речь шла о сложной проблеме взаимоотношения языка и мышления, работ известного русского физиолога И. П. Павлова. Это было сделано задолго до появления активно разрабатывающегося в наше время психолингвистического направления анализа языковой действительности.

Как известно, одним из основных интертекстуальных знаков общепризнанна цитата. Причем для научного текста этот интертекстуальный знак является прямой нормой. Назначение цитаты состоит во включении “в некоторый новый авторский текст фрагмента другого автора с указанием источника, из которого взят данный фрагмент, и с соблюдением смысла фрагмента в источнике” [9, с. 214]. Вводя в текст новые референты, цитата, таким образом, оказывается особым семиотическим знаком, задача которого – установить связь с заимствованным текстом и через него с тем или иным референтом. Е. В. Кротевич, прибегая к цитированию, как бы анализирует заимствованный текст (прототекст), выделяя в нем те его элементы, которые представляются ученому наиболее репрезентативными. В результате происходит процесс,

который Н. А. Кузьмина назвала “семантической компрессией прототекста” [2, с. 111]. При этом показательно, что текст проанализированных работ содержит ограниченное количество цитат, которые при этом, как правило, весьма лаконичны. Чаще автор излагает собственное понимание тех или иных теоретических положений своих предшественников и коллег. Это лишний раз свидетельствует о большой научной состоятельности ученого.

Научное общение Е. В. Кротевича с названными авторами, его диалог (по М. М. Бахтину) с ними происходит не только в так называемом аффирмативном ключе, нередко в проанализированных работах и случаи серьезной научной полемики. Е. В. Кротевич не соглашается с А. Мейе и А. В. Исаченко, возражает А. А. Шахматову, высказывает свои сомнения Л. А. Булаховскому, не разделяет точку зрения А. Б. Шапиро. При этом он не ограничивается работами своих научных предшественников и привлекает данные современных ему исследователей, среди которых находим и начинающих, к коим, несомненно, следует отнести Ю. П. Долинину и Б. Г. Ключковского. Эта часть анализируемых работ наглядно свидетельствует, что для Е. В. Кротевича было характерным доскональное изучение исследуемого вопроса, интерес не только к тому, что уже было сделано в классическом наследии, но к отвечающему современному пониманию положения дел в синтаксической области. Небезынтересно заметить, что ученый не считает лишним сослаться и на свои собственные труды, тем самым вступая в диалог, но уже с самим собой.

В третьих, глубокое исследование какой-либо научной проблемы практически невозможно без привлечения материалов справочной литературы типа компендиумов – сводных трудов в определенной области научного знания, заключающих, как следует из лексикографического определения этого понятия, “сжатое, суммарное изложение основных положений какой-либо науки, исследования” [6, с. 241]. Не стали исключением в этом отношении и анализируемые работы Е. В. Кротевича. Из языковедческих компендиумов на тот период существовала только “Грамматика русского языка” в 2-х томах, первое издание которой было осуществлено Академией наук в 1952–1953 гг. Естественно, что ученый не единожды пользуется ее материалами. Анализ свидетельствует, что положения этого авторитетного источника становятся для ученого отправным пунктом для принципиальных авторских рассуждений и выводов. Отталкиваясь от помещенного в грамматику-компендиум, а значит, от общепризнанного, он идет дальше, углубляя и расширяя существующие представления о кардинальных явлениях русского синтаксиса – о понятиях предикативности и синтаксической связи, о сложном и до сих пор дискуссионном вопросе о конкретном виде синтаксической связи в словосочетаниях типа *зима-красавица*. В этом процессе исследователи проблематики интертекстуальности видят ее семантический аспект, сутью которого является способность нового текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другой текст.

В-четвертых, к числу средств создания интертекстуального поля были отнесены словари, которые тоже признаны обязательным атрибутом глубоких по своей природе научных исследований. Е. В. Кротевич обращается к “Словнику лінгвістичних термінів”, над созданием которого он работал как редактор совместно с Н. С. Родзевич. Этот словарь, будучи подготовленным украинскими учеными, стал первым лексикографическим описанием лингвистических терминов в языковедческой науке советского периода.

Рассмотренные интертекстуальные знаки нуждаются в дальнейшем изучении, ибо способны эксплицитно представить те общие основания, на которых формировалась синтаксическая концепция Е. В. Кротевича и через которые ученый был связан со всем предшествующим филологическим опытом изучения многомерного и бесконечного языкового пространства. Отмечая более широкие перспективы, подчеркнем, что интертекстуальный анализ, успешно применяемый в исследовании литературного дискурса, способен пролить свет и на многие аспекты устройства текстов, принадлежащих к другим жанрам речи, в частности, на научный дискурс.

Литература

1. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.
3. Бахтин М. М. Проблема текста / М. М. Бахтин // Собр. сочинений: В 7 т. – М. : Русские словари, 1996. – Т.5.
4. Бахтин М. М. 1961 год. Заметки / М. М. Бахтин // Собр. сочинений: В 7 т. – М. : Русские словари, 1996. – Т.5.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург, Омск, 1999. – 268 с.
6. Словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1982. – 608 с.
7. Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). Второе изд. / И. П. Смирнов. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 193 с.
8. Родионова Е. В. Интертекстуальность / Е. В. Родионова // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2-х т. – СПб : Университетская книга, 1998. – Т.1. – С. 267–268.
9. Рождественский Ю. В. Общая филология / Ю. В. Рождественский. – М. : Фонд “Новое тысячелетие”, 1996. – 326 с.
10. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / С. Б. Ямпольский. – М. : РИК Культура, 1993. – 464 с.
11. Эко У. Заметки на полях “Имени розы” // Эко У. Имя розы. – М. : Книжная палата, 1989. – С. 428–459.